

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 11 (439)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

15 Июня 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Абрамович. Недомыслие или двусмысленность?
И. Греков. Стабилизированный тупик.
А. Югов. Диктатура и крестьянство.
В. Александрова. Литературные заметки.
Г. Аронсон. Палестинский клубок.

По России: Третья сессия Верховного Совета СССР.

Из партии: Самуил Пескин (некролог). — Отчет о боях в пользу «С. В.».

Издания, поступившие в редакцию.

Фельетон: Ф. Дан. Конгресс французской партии.

Extrait du Sommaire: Articles de R. Abramovitch sur la situation internationale et le pacte anglo-soviétique; de J. Grekov sur la session du Soviet Suprême de l'U.R.S.S.; de A. Jugov sur la politique paysanne de la dictature stalinienne; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique; de G. Aronson sur le problème palestinien; de Th. Dan sur le congrès de Nantes du Parti français; etc. — Chronique du Soviet Suprême de l'U.R.S.S.

Р. АБРАМОВИЧ.

Недомыслие или двусмысленность?

Как бы мы ни были подготовлены к крайней медлительности международных переговоров в такой сложный и ответственный момент, действительность на много превзошла наши самые пессимистические опасения.

Не было решительно ни одного органа печати в Европе да и в Сов. Союзе, который не повторял бы на все лады, что перед лицом агрессии фашистского блока «потеря времени смерти подобна», что самое опасное это — вызвать в фашистских странах впечатление, будто бы в блоке «демократических» стран происходят какие-то колебания. Мы слышали заявления самых авторитетных государственных мужей, что действительный источник военной опасности в данный момент — это проявление нерешительности и слабости на стороне анти-тоталитарных государств.

Изо дня в день нас уверяют в том, что подписание «стройственного договора», долженствующего окончательно положить предел агрессии и обеспечить мир, вопрос самых ближайших дней, что в принципе соглашение достигнуто и речь идет только о формулиров-

ках и деталях. Однако, неделя проходит за неделей, а воз и ныне там. Мало того, последние дни принесли нам ряд речей и заявлений, способных вызвать самую живую тревогу и дающих повод поставить вопрос о том, не подготавливается ли второй Мюнхень?

Ходят слухи о каких-то шагах, предпринимаемых римским папой по просьбе Муссолини. Снова в прессе муссируются слухи о знаменитой «международной конференции», о которой не перестают мечтать, к сожалению, и иные социалисты.

В европейской прессе вину за фактическую приостановку переговоров сваливают на советское правительство. В печати коммунистической уверяют, что вина лежит на Чемберлене и на британской буржуазии, которые ни за что не могут преодолеть своей внутренней тяги к фашизму и порвать с Гитлером, дав требуемые гарантии Сов. Союзу.

Наблюдая внимательно все происходящее, нельзя отделаться от впечатления, что обе стороны правы в своих взаимных обвинениях, т. е., другими словами, что и

в Англии, и в России нет полной и действительной готовности к соглашению.

В своих передовицах в «Попюлэре» (от 7-го июня) «Балтийская проблема» (и от 8-го) «Нападение в расщелку» Леон Блюм с предельной ясностью очертил проблему взаимных гарантий, лежащую в основе расхождения. Вопрос сводится к тому, будет ли предлагаемая лордом Галифаксом формула соглашения иметь применение и в том гипотетическом случае, — который Москва считает однако единственно реальным и единственно для нее существенным, — а именно, если Германия совершит прямое нападение или прикровенный захват в форме «протектората» против одной из балтийских стран, граничных с Россией (Латвия, Эстония, Финляндия)? Блюм справедливо указывает на то, что такого рода действие по отношению к балтийским государствам может иметь лишь один определенный смысл — нападение, не то что косвенное, а просто «с расщелкой» на два-три этапа, против России. Но если это так, то почему же это не подходит под третий пункт проекта Галифакса, говорящий о взаимной поддержке в случае нападения на одну из трех договаривающихся стран?

Нужно раз навсегда отдать себе ясный отчет в той внутренней связи, которая объективно, независимо от воли правителей, существует в настоящий момент между интересами тех великих держав, которые являются сейчас естественными антагонистами тоталитарного блока.

После долгих колебаний Англия, наконец, пришла к заключению, что она заинтересована в том, чтобы не допустить экспансии гитлеровской Германии на Востоке Европы и не дать ей неимоверно окрепнуть путем захвата естественных богатств и человеческих резервов Украины и Юга России. Но если эта заинтересованность реальная и действительная, то почему надо думать, что английское правительство воспользуется юри-

дическим пробелом в формулировке «тройственного пакта», для того, чтобы уклониться от своих обязательств и обеспечить Гитлеру безнаказанность в случае удара по балтийским странам, подготовляющего нападение против Советского Союза? И почему, с другой стороны, Галифаксу не предусмотреть этого случая при формулировке пакта?

С другой стороны, совершенно непонятно и поведение советской дипломатии. Мы не говорим уже о том, что существует кричащее противоречие между постоянными заявлениями самых авторитетных представителей советского правительства о том, что Сов. Союз не боится никакого нападения, что он достаточно силен, чтобы дать «сокрушительный отпор любому агрессору и т. д., той педантичной пугливостью, с которой сов. правительство настаивает на самом скрупулезном заполнении всех самонаименных прорех в «поясе безопасности», — точно от этого зависит самое существование страны. Это противоречие имеет свое чрезвычайно простое объяснение, и его не видят только те, которые пытаются уговорить себя и весь мир, что Сов. России не угрожает никакой опасности, что удар Гитлера направлен не на Восток, а на Запад, и что, помимо всего прочего, Россия в военном, техническом, хозяйственном и политическом на много сильнее всех прочих стран. Но оставим в стороне большевистское бахвальство и «революционный» иллюзионизм. Что бы ни думать о действительных силах Сов. Союза в данный момент, совершенно ясно, что если сов. правительство считает эстонскую и латвийскую прореху в тройственном договоре столь серьезной угрозой для безопасности России уже сейчас, — то оно не может не понимать, в каком трагическом положении окажется советская страна, в тот момент, когда тоталитарный блок — при бездействии, т. е. попустительстве Советского Союза! — разгромит и расчленит Британскую и Французскую Империи. Но если это так, если победа Гит-

Ф. ДАН.

Конгресс французской партии

28-30 мая состоялся в Нанте 36-ой очередной съезд социалистической партии Франции. «Гвоздем» съезда был все тот же вопрос о внешне-политической линии партии, который разделил французский социализм после «Мюнхена» на «мюнхенцев», делавших главный упор на борьбу за мир путем соглашения с фашистскими диктатурами на основе уступок им (преимущественно экономических, но в известных пределах также колониальных и территориальных), и «анти-мюнхенцев», считавших, что сами переговоры и соглашения с этими диктатурами во имя сохранения мира станут на деле возможными лишь после того, как им будет противопоставлен блок «мирных» держав, основу которого должна составить англо-франко-советская коалиция и военная мощь которого должна быть достаточно велика, чтобы заставить их отказаться от всякой агрессии.

На чрезвычайном съезде, заседавшем на Рождество 1938 г. в парижском предместье Монруж, «анти-мюнхенцы», включающие в свой состав, наряду с течением, возглавляемым Леоном Блюмом, и группу Жиромского («Батай Сосиалист») одержали победу, хотя и сравнительно незначительным большинством (4.322 против 2.837 при 1.014 воздержавшихся). Эта победа была закреплена на Совете партии, собравшемся 4-5 марта 1939 г. в Париже, 4.018 голосами против 3.140 при 200 воздержавшихся.

После Совета произошел ряд событий, заставивших даже англо-французскую буржуазию свернуть с «мюнхенских» путей: падение испанской республики, окончательный разгром Чехии, оккупация Албании и Мемеля, аннулирование Гитлером германо-польского пакта и германо-английского соглашения о флоте, подготовка оккупации Данцига и вассализации Венгрии, Югославии, Прибалтики и т. д., «стальной» германо-итальянский военный союз. Можно было рассчитывать, что события эти вызовут решительный поворот и французского социализма в «анти-мюнхенском» направлении и помогут таким образом восстановлению идейно-политического единства партии, поколебленного неожиданным «мюнхенским» уклоном ее меньшинства.

Случилось как будто иначе: после Совета идейно-политическая борьба внутри партии приняла настолько острый характер, что враги ее с надеждой, а друзья с тревогой ставили перед собою даже вопрос о возможности раскола на предстоявшем Нантском съезде. Течения партии не сближались, а как будто все непримиримее отгораживались друг от друга, и никогда еще партия не знала такого обилия «фракционных» органов: в дополнение к «Батай Сосиалист» Жиромского появилось «Ажир» («Действие») Жоржа Моннэ (группа Блюма) и «Пэи Сосиалист» («Социалистическая Страна», группа Поля Фора); помимо обособленных проектов резо-

лера и Муссолини на Западе означает смертельную опасность для Советской России (как и наоборот, разгром Сов. России гитлеровской Германией означал бы в перспективе гибель Англии и Франции), то каким образом можно себе представить, что Сов. Россия останется пассивной зрительницей в случае нападения тоталитарного блока на Англию или Францию? Дальновидное и сознающее интересы своей страны советское правительство будет вынуждено в этом случае решительно выступить против агрессоров, все равно, будет ли тройственный пакт подписан или нет. И выступить оно должно будет не по соображениям абстрактной принципиальности или интернациональной анти-фашистской солидарности, а по велению национальных, кровных интересов той страны, которую оно представляет.

То, что мы сказали по поводу взаимных интересов Англии и России, относится, конечно, в полной мере и к Франции.

Но если это так, если ответственные правительственные круги тех великих стран Европы, которые по своим геополитическим и историческим условиям оказываются объективно противниками наступательного хищнического империализма Германии и Италии, то чем же объяснить политику бесконечных проволочек по поводу разных юридических тонкостей, не имеющих, как было указано выше, никакого решающего значения? Объяснение может только такое: либо эти так наз. ответственные правительственные круги на самом деле не отдают себе ясного отчета в создавшемся положении и страдают недомыслием, либо же, что вероятнее, они пытаются «объехать судьбу на кривой»... Английские консерваторы, по крайней мере в одной своей части пытаются в самый последний момент добиться какого-то гнилого компромисса с Муссолини, а через него с Гитлером. Но и Сталин по всем видимостям, не отказавшись окончательно от тех планов «раздела мира» с Гитле-

ром, который ему приписывается многими, в том числе хорошо осведомленными людьми... Или, может быть, перед взором Сталина все еще маячит ленинское видение «драки между империалистическими разбойниками» при выжидательном нейтралитете Сов. России, которая спокойно даст обеим буржуазно-империалистическим коалициям, фашистской и англо-французской, завязнуть в длительной войне и изойти кровью, для того чтобы потом со всей мощью своих свежих и нетронутых сил выступить самой в роли супер-арбитра и вершителя судеб?

Если эта поистине детская концепция мелькает в умах большевистских диктаторов, то трудно себе представить большую наивность и большее преступление перед будущностью мирового пролетариата. Ибо «макиавелистический» нейтралитет России будет иметь своим результатом не войну на истощение между «капиталистическими хищниками», а... новую, и на этот раз вероятно более удачную попытку сговора между ними за счет России. Ибо если хищный Сталин хочет сшибить лбами Англию и Германию, то в Англии имеется немало умников, которые не прочь втащить Германию в поход против России, с расчетом, что Германия надолго увязнет в беспредельных русских равнинах и тем даст западным державам возможность сыграть роль супер-арбитров в решительный момент.

Нельзя достаточно предостерегать от этой двусмысленной политики, грозящей миру самой ужасной катастрофой. Стальной барьер на пути наступающего фашизма должен сомкнуться как можно скорее и как можно полнее. Малейшее колебание, малейшая задержка могут оказаться поистине роковыми в этот критический момент. Но подлинной катастрофой, уже не только физической, но и моральной для всего мирового пролетариата будет, если виновником рокового колебания или нерешительности окажется Советская Россия.

люций Леона Блюма и Поля Фора был подготовлен к Нантскому с'езду еще проект группы «Редресман» («Выпрямление») Зоретти-Дейксона, пытающейся тот же «мюнхенский» пацифизм облечь в «революционно-социалистическую» и «классовую» оболочку, не говоря уже о проекте совершенно ничтожной группки «интергальных пацифистов» (Н. Гуковская), отстаивающей, в ребячески-наивной форме, позиции «революционно-пораженчества». Но не столько обилие фракций делало перспективу раскола реально возможной, сколько тот факт, что ни на Монружском с'езде, ни на Совете не удалось — впервые в истории партии после раскола с коммунистами! — достичь «синтеза», соглашения между двумя основными течениями партии, одно из которых возглавлялось Леоном Блюмом, политическим вождем партии, другое — Поля Форм, ее строителем, главным организатором и бессменным генеральным секретарем.

Неизбежность непримиримого, способного взорвать единство партии, столкновения в Нанте между «анти-мюнхенцем» Блюмом и «мюнхенцем» Форм казалась тем очевиднее, что все обострявшаяся идейно-политическая борьба между ними осложнилась борьбой организационной, способной, как известно, создавать почву для столкновений особо неприятного характера и легко вырождающейся в борьбу личного порядка. Эта организационная борьба питалась тем ненормальным положением, которое создалось в партии после того, как в Монруже «синтеза» достичь не удалось: большинство, хотя и незначительное, получили «блюмисты» в центральном учреждении партии — Постоянной Административной Комиссии, и в их-же руках осталась редакция центрального органа — «Попюлэр»; им, как большинству, принадлежало таким образом, согласно принципам партийной демократии, идейно-политическое руководство партией. Но весь исполнительный аппарат ее, как секретариат партий, так и администрация газеты, был оставлен (в значительной степени именно потому, что «большинство» оказалось слабым) в руках «польфовского» меньшинства. Отсюда неизбежно вытекал ряд трений и осложнений выразившихся, между прочим, в отказе Фора и Северака писать в «Попюлэр» и принявших особенно острый характер в самые последние дни перед с'ездом в связи с вопросом о так наз. «моральном», т. е. политическом отчете с'езду — отчете, который составляется обычно генеральным секретарем, но представляется с'езду от имени Постоянной Административной Комиссии.

Уже в течение ряда лет часть видных и уважаемых членов партии, как Брак, Лэба и др., высказывается за отмену «морального» отчета, так как прения по нему совершенно напрасно предвосхищают и распыляют прения по основным политическим вопросам, стоящим в момент с'езда перед партией. Мартовский Совет партии, перед которым Брак и Лэба вновь поставили этот вопрос, передал его на рассмотрение Постоянной Административной Комиссии, а Комиссия эта собравшись перед Нантским с'ездом, решила незначительным большинством (15 против 13), в отсутствие многих членов Комиссии, в том числе и Блюма, «морального» отчета с'езду не представлять.

Большинство это не учло, очевидно, ни своей соб-

И. ГРЕКОВ

Стабилизированный тупик

25 мая открылась и 31 мая закончилась третья сессия Верховного Совета СССР, приняв, по уверению «Правды» (30 мая) «решения огромной государственной важности», а именно — утвердив законы о государственном бюджете и об образовании новых народных комиссариатов: Народного Комиссариата Промышленного строительства СССР и Народных Комиссариатов Автомобильного транспорта союзных республик. Если к этому прибавить единогласное (и без прений) утверждение указов Президиума, принятых в перерыв между заседанием второй и третьей сессии В. С. и касавшихся «разукрупнения» хозяйственных комиссариатов, смещения старых и назначения новых наркомов, — то этим намеченная заранее программа сессии была исчерпана.

Передовики советской печати должны, конечно, очень болезненно ощущать занесенный над ними бич «социального заказа», чтобы выжать из себя по случаю таких результатов сессии фразу о «решениях огромной государственной важности» — с тем, разумеется, чтобы на следующий-же день основательно и навсегда забыть эту «важную» сессию: ведь, единственный акт, который при известных условиях мог бы иметь «государственное» значение, — утверждение бюджета на 1939 год, — совершенно обесценивается тем фактом, что бюджет этот на деле давно уже осуществляется, а «по-большевистски деловитое» обсуждение его свелось, как «в самом демократическом парламенте в мире» и полагается, к речам представителей различных ведомств и различных союзных республик, пытавшихся, иногда не без успеха, урвать лишний клочок медвежьего ушка

на свою долю, но как огня избегавших политической и социальной оценки и критики бюджета.

«Работа сессии Верховного Совета СССР всегда отличается особым стилем, присущим только социалистической государственности», предупреждали «Известия» (24 мая). «Особый стиль» — это верно. Но, что «стиль» этот присущ социалистической государственности, — это заведомая ложь: «парламентаризм» фашистской Италии или национал-социалистической Германии дает блестящие образцы того-же самого стиля. Ибо этот своеобразный «стиль» царит всюду, где политические и социальные антагонизмы достигают такого напряжения, что лишь колоссальное, тоталитарно-диктаторское давление мешает им превратить формально сохраняющиеся представительные учреждения в свое орудие и оказывается способным прикрыть глубокий раскол нации симуляцией «национального единства» — на расовой-ли, на имперской или на мнимо-«бесклассовой» основе. «Тоталитарное» политическое осклопление представительных учреждений — вот к чему сводится этот «особый стиль».

Это политическое осклопление не имеет, конечно, ничего общего с тем «отмиранием политики», которое должно сопутствовать переходу от классового капиталистического общества к бесклассовому социалистическому и неразлучному с этим переходом вытеснению «управления людьми» «управлением вещами». В современном советском обществе «политика» не только не отмирает, но самая мысль об ее отмирании, а вместе с тем и об отмирании государства была еще недавно в «гениальном» докладе Сталина партийному съезду за-

ственной незначительности, ни необходимости сделать все, чтобы не осложнять и не затушевывать того принципиального политического вопроса, который стоит перед партией, столкновениями организационного и личного характера. Между тем его вотум был истолкован Форум, пришедшим на заседание П.А.К. с готовым уже проектом «морального» отчета, и его сторонниками именно как выпад личного характера, на который они ответили 1) уходом Форса с заседания П.А.К., 2) рассылкой «морального» отчета в частном порядке по секциям партии и 3) апелляцией к съезду, — на что «блюмисты», в свою очередь реагировали обращением к секциям (подписанным на этот раз и Блюмом) с возражениями против письма, которым Фор сопроводил рассылку отчета, и с выписками из протоколов заседаний П.А.К., доказывающими, что в их намерения отнюдь не входило как либо лично задеть Форса.

Как бы то ни было, эпизод этот сыграл свою роль в создании известной «атмосферы» в самый момент открытия съезда. Съезд, разумеется, не мог и не хотел оставлять Форса, которому партия столь многим обязана, под впечатлением будто бы нанесенного ему личного оскорбления, и даже большинству противников оглашения «морального» отчета не оставалось ничего другого, как воздержаться от голосования: 3.302 голосами против 1.116 при 2.747 воздержавшихся было решено «моральный» отчет заслушать. Почти единогласно — 7.348 голосами против 14 при 115 воздержавшихся отчет этот был съездом одобрен, — правда, лишь после того, как Фор согласился, по предложению Блюма, вычеркнуть из текста отчета фразу, которую можно было

толковать, как отказ от признания партийно-обязательной силы за внешне-политической резолюцией Монружского съезда. Таким образом, этот, по существу незначительный эпизод, грозивший как будто сделать раскол неизбежным, на самом деле с самого начала съезда способствовал созданию психологической атмосферы, облегчавшей усилия сторонников «синтеза» (Ривьер, Люсси, Тиолас) именно тем, что он ослабил, если можно так выразиться, морально-организационные позиции «блюмовского» большинства и, наоборот, усилил позиции «поль-форовского» меньшинства.

В том же направлении усиления позиций этого меньшинства действовало и предшествовавшее принятию по общей политике обсуждение поднятого Луарской федерацией вопроса о запрещении членам партии участвовать в таких, формально беспартийных, но на деле руководимых коммунистами организациях, как Друзья Советского Союза, Женская Лига Борьбы против войны и фашизма, Молодые Девушки Франции и т. п.

Еще в статье о мартовском Совете партии (см. «С. В.» № 4/5) мне пришлось указать на тот огромный вред, который причиняют своему собственному делу сторонники «единства действий» с коммунистами, когда вместо того, чтобы реакционной и реформистской критике и французского коммунизма и, особенно, сталинского единодержавия противопоставить их революционно-социалистическую критику, попросту отказываются от всякой критики их вообще, предоставляя ее в монопольное владение противникам единства. Но — шила в мешке не утаишь. Никакое замалчивание грубейшей неадекватности французских коммунистов в их отношении к

клеимена, как чудовищное преступление предателей и агентов Гестапо.

Политикой насыщена вся жизнь Советского Союза и вся деятельность советского правительства; политикой насыщены те указы Президиума о смещениях и перемещениях высшего бюрократического персонала, которые огулом утвердил Верховный Совет; политикой насыщены те «постановления СНК СССР и ЦК ВКП», которые не переставали изо дня в день печататься в газетах и во время заседаний сессии. И если никто из депутатов Верховного Совета даже не поинтересовался, почему исчезли, например, Ежов и Литвинов, или в силу каких параграфов конституции ЦК ВКП принимает участие в издании постановлений, в том числе таких важных, как, например, постановление 27 мая «о мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», вводящее в личное хозяйствование колхозников такие изменения, которые, особенно в нынешней предвоенной обстановке, могут приобрести огромное политическое значение; — если никто из членов В. С. и не заикнулся об этом, то не потому, что «политика отмирает», а, наоборот, именно потому, что политика выпирает тут изо всех пор: в верховном политическом учреждении «самой совершенной демократии в мире» политика находится под строжайшим запретом.

Вот почему, если «деловитость» Верховного Совета поистине немногого стоит, то политически сказать о только что минувшей сессии решительно нечего. Единственно можно отметить в этом порядке весьма заметное понижение тона обязательных для членов В. С. восторгов. Конечно, все ораторы и докладчики попрежнему начинают и кончают свои выступления славословиями Сталину и стараются почаще пересыпать свои речи упоминанием священного имени. И конечно, всякое такое упоминание вызывает рукоплескания. Но крики «ура» и неизменные в прошлых отчетах ремарки: «бурные аплодисменты, переходящие в овацию; все

встают; пение Интернационала» и т. д. — на сей раз совершенно исчезли, уступив место «продолжительным аплодисментам» для «самого» и полному отсутствию всякой реакции для его сподвижников.

Единственное исключение в этом отношении представляет вне-очередной, «по желанию почтеннейшей публики» прочитанный доклад Молотова о внешней политике, в заключение которого советская пресса отмечает: «Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Депутаты встают и устраивают овацию товарищу Молотову». Вопросам международным посвящена другая статья этого номера. В том же порядке идей, о котором мы говорим сейчас, исключение это лишь подтверждает отмеченное выше правило: овации относились не к Сталину, имени которого как раз Молотов в заключительных абзацах своего доклада не упоминал, и уж, конечно, не к самому Молотову; они были предназначены единственно и исключительно для внешнего употребления, как свидетельство такой-же «монолитности» советского населения в вопросах международной политики, какая декретирована для него в вопросах политики внутренней.

Понижение тона восторгов особенно подчеркивает совершенно серый, будничныи характер только что прошедшей сессии Верховного Совета и, с этой стороны, является одним из симптомов относительной стабильности создавшегося положения. Стабилизуется Сталинское единодержавие; стабилизуется его социально-политическая основа в виде кристаллизации привилегированной бюрократической и «знатной» верхушки, по всем своим бытовым условиям все более отрывающейся от тех широких рабоче-крестьянских масс, из которых она вышла; стабилизуется лже-демократический фасад самовластья, все ярче окрашиваемый в государственно-патриотические цвета; стабилизуется условная, никого уже по существу не обманывающая фальшь официальных формул «национального единения» и бла-

социалистическим «братьям» не может помешать и членам социалистической партии, и членам синдикатов на каждом шагу самым болезненным образом ощущать эту нелояльность, как никакое замалчивание преступлений сталинского единодержавия не может уничтожить того гнетущего впечатления, которое произвели на миллионы рабочих его пресловутые «процессы» и продолжают производить его расправы с инакомыслящими и его политика выращивания привилегированного слоя «знатных людей» за счет нищеты и недоедания масс.

Если бы еще широчайшие слои трудящегося населения Европы продолжали видеть в сталинском единодержавии силу, одерживающую победу за победою над их классовыми врагами, то впечатление это сглаживалось бы, и блеском Сталинской славы подновлялся бы престиж и французского коммунизма: победителя не судят! Но не надо забывать: неспособность большевизма в его сталинской ипостаси не только помешать приходу фашизма к власти в Средней Европе, но и остановить его успехи, подорвала веру в большевистскую «непобедимость». Если бы Сталин и впрямь был готов выполнить все свои обязательства по отношению к Чехословакии, то это не уничтожило бы того факта, что союз с СССР оказался не в состоянии спасти Чехословакию от поглощения германским фашизмом. Если бы Сталин и впрямь делал все для помощи республиканской Испании, то остался бы все же тот факт, что помощь его не смогла предотвратить победы германитало-испанского фашизма. И в чехословацком, и в испанском вопросе Сталин оказался побежденным. Но если победителей не судят, то тем более беспощадно су-

дят побежденных, и в настроениях широких масс сталинскому единодержавию теперь сторицей отливаются и его московские расправы, и его испанские преступления, и вся та двуличная международно-пролетарская политика, которую по его указке практикует Коминтерн.

Поскольку сторонники «единства действий» ни в малейшей степени не подготовляли массы к критике сталинизма, постольку все разочарование в нем, естественно, лило и льет воду на мельницу противников единства. Оно одновременно лило и льет воду на мельницу «мюнхенских» настроений, заставляющих часть французских социалистов крайне сдержанно относиться к сближению англо-французского блока с Советским Союзом и получающих в известных сторонах сталинской внешней политики, которые и нам не раз приходилось критически отмечать, подтверждение подозрениям о двуличии Сталина, об его коварном плане — свергнуть Европу в войну и, оставшись в стороне, пожать впоследствии плоды взаимостреления европейских народов.

Вот настроения, которые заставили высказаться за предложение Луарской федерации 5.490 мандатов против 1.771 при 264 воздержавшихся, превратив еще раз «поль-форовское» меньшинство в выразителя воли большинства партии и тем еще более укрепив его позиции в предстоявшей главной идейно-политической битве, которая и закончилась в этих условиях «синтезом», казавшимся столь невероятным в начале с'езда: 6.395 голосами из 7.580 с'езд принял на рассвете 31-го мая, по докладу Ривьера, согласительную резолюцию, выработанную в бесконечных ночных заседаниях осо-

гополучия и загадочное молчание полуторастомиллионных народных низов...

«Всерьез и надолго»? Вряд-ли! Ибо стабилизация эта не только не разрешает тех социальных и политических антагонизмов которые накопились в результате свыше чем двадцатилетнего развития революции, но своим «тоталитарным» давлением, закрывающим все организованные выходы накопляющейся и непрерывно вновь рождающейся народной энергии, ведет к усилению и обострению этих антагонизмов. Это — стабилизация в тупике, и вопрос заключается в том, кто или что и когда прорвет этот тупик и приведет в действие застрявшие в нем подспудные силы. Будет-ли это та мировая военная катастрофа, которая именно благодаря бесчисленным тупикам, созданным разложением старого, капиталистического мирового порядка, становится все более вероятной, как единственно возможный метод прорыва этих тупиков? Или-же в советском обществе, взрошенном и вскормленном одной из самых грандиозных революций, какие когда-либо знал мир, найдутся все же еще в и угренние силы, способные прорвать свой, внутренний тупик и тем превратить Советский Союз в центр притяжения и собирания всей колоссальной мировой энергии, могущей, если не предотвратить мировую военную катастрофу, то во всяком случае во много раз ослабить ее разрушительное действие и сделать ее прологом освобождения человечества?

Вот вопрос, имеющий самое жизненное значение для грядущих масс и Советского Союза, и всего мира, но вопрос, на который сейчас ни у кого нет и не может быть однозначного и уверенного ответа — до такой степени тоталитарной Сталинской диктатуре удалось непроницаемым железным колпаком террора закрыть от всех «посторонних» взоров то брожение идей, ту смену настроений, те социально-психологические про-

бою 9-членной комиссией, в работах которой, однако, не смог принять участия выбранный в нее, но заболевший Блюм (его заменил сначала Луи Леви, потом С. Грумбах). 565 голосов было подано за старый текст резолюции Блюма, поставленный на голосование Жиromским, отказавшимся присоединиться к компромиссу; 401 голос подучила резолюция Дейксона и 45 голосов резолюция Гуковской; воздержавшихся было 153, отсутствовало 21.

В той-же статье о мартовском Совете партии, на которую я сослался выше, я имел случай говорить еще об одном элементе относительного успеха «мюнхенских» течений в партии, выразившегося, между прочим, в существенном усилении Зоретти-Дейксонской фракции: об отсутствии ясного анализа революционно-социалистических перспектив нашей эпохи в резолюциях и предложениях партийного большинства («блюмовского»). Только такой анализ мог бы подвести классовое и социалистическое обоснование под ту «активистскую» политику в борьбе за мир и против фашизма, которую это большинство хочет заменить старую, в условиях новой эпохи пережившую себя политику «пацифизма». Отсутствие этого обоснования, объясняемое разнообразием течений, входящих в большинство, несомненно, толкает к «мюнхенцам» немало элементов, боящихся «священного единения» и ищущих выражения революционным и социалистическим настроениям в формулах старого циммервальдизма. Мало понятным со стороны вождя «Батай Социалист» представляется поэтому, что, и решив не принимать участия в «синтезе», он ничего не сделал для революционно-социалистического обоснования своей позиции и критики мнимо-классовой политики группы Дейксона, а, наоборот, превратил в знамя

цессы, которые переживают и не могут не переживать грядущие массы Советского Союза, сколько бы официальные историографы ни изображали их в виде нео-карамзинских «увриеров» и «пейзан», ни о чем кроме «поднятия производительности труда» и «блоке беспартийных с коммунистами» не мечтающих и с утра до ночи поющих хвалу Сталину за «счастлившую и зажиточную жизнь».

Но признаки этих социально-психологических процессов можно ловить лишь урывками и намеками, они лишь невзначай находят себе отражение в советской литературе и на страницах советской печати. И как таковой намек, не малый политический интерес представляет та реакция театральных зрителей на происходящую на сцене расправу с честным коммунистом, о которой рассказывает в этом-же номере тов. Александрова в своих «литературных заметках». Эти зрители принадлежали, конечно, к партийной бюрократии. Но уже самый примитивизм их реакции на происходящее на сцене, так живо напоминающий реакцию зрителей парижских народных театров, шикающих злодеям мелодрамы, а то и забрасывающих их гнилыми яблоками, свидетельствует, что мы имеем тут дело не с верхами этой бюрократии, а с ее рядовыми низами.

«Не отдавай членского билета!» — в этом крике партийной массы, обращенном к честному представителю партийного аппарата, слышится не только ее протест против тех безобразий, которые стали в этом аппарате «бытовым явлением», но и ее инстинктивное стремление сделать орудием своей борьбы с этими безобразиями тех представителей самого этого аппарата, в которых она чувствует не окончательно еще порванную интимную, социально-психологическую связь с собою.

Вот — намек на возможные внутренние пути

свое старый текст большинства, т. е. текст, заведомо компромиссный и именно в силу своей компромиссности оставлявший вопросы обоснования «активистской» политики без достаточного освещения.

В таком виде отделение Жиromского от большинства, с которым он шел до того, вряд-ли будет надлежащим образом понято как рядовой массой французской партии, так и общественным мнением Интернационала. Ибо надо сказать: сколько бы ни было побочных обстоятельств, способствовавших укреплению позиций «польфовского» меньшинства, «синтез» все-же вряд-ли мог бы осуществиться, если бы, вопреки видимости, ход событий не оказал воздействия на идеи этого меньшинства и не подорвал возможности последовательного проведения «мюнхенской» политики. Если читать без предубеждения ту «согласительную» резолюцию, которая стала после Нантского съезда партийным законом, то нельзя не признать, что намеченные в ней основные линии внешней политики являются логическим продолжением линий, намеченных в Монруже и подтвержденных мартовским Советом партии: партия не отказывается, разумеется, от «организации мира» путем созыва международной конференции для «справедливого распределения богатств», но самым условием успеха такой конференции она провозглашает участие в ней «правительств, строго соблюдающих подписанные ими обязательства», и потому первоочередной задачей внешней политики Франции считает создание, при участии Советского Союза, блока держав, способного превосходством своих сил вынудить блок фашистский к отказу от агрессии и к выполнению принимаемых им на себя обязательств.

Таким образом, если брать текст принятой резолюции,

выхода из стабилизационного тупика! Сохраняя все пропорции и памятуя о всех осложняющих факторах, можно сказать, что с мертвой точки сдвинется застоявшаяся советская жизнь лишь тогда, когда из среды советской массы раздастся обращенный к вышедшему из ее же недр советскому аппарату мощный крик: не отдавай своих прав! не лакействуй! не молчи! говори! Только тогда и в Верховном Совете, где столько заседает «героев Советского Союза», найдутся смельчаки, чтобы прорвать запрет, тяготеющий над «политикой». Ибо героизма, достаточного для победы над Арктикой, недостаточно еще для победы над этим запретом. И его никогда не будет достаточно, по-

ка его не вдохнут в своих «избранников» сами трудящиеся массы.

Работать над приближением этого момента и над направлением народной энергии в сторону овладения гем государственным аппаратом, который создан революцией, — вот единственно реальная задача, стоящая перед поборниками демократии и социализма. Лишь ее успех превратит и Верховный Совет в действительного вершителя политических судеб страны. До тех же пор он неизбежно будет оставаться в политическом смысле пустым местом и говорить политически об его сессиях будет нечего, — разве «по их поводу»...

А. ЮГОВ.

Диктатура и крестьянство

После нескольких лет, проникнутых желанием примирения с колхозным крестьянством, путем уступок его частно-хозяйственным интересам, советская власть вновь перешла в наступление. Только что изданный декрет: «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» своим острием направлен против самых насущных интересов колхозника.

Сейчас мы находимся на первых стадиях новой борьбы между наступающей диктатурой и обороняющимся крестьянством. Будет ли она глухая или острая это определит политическая обстановка.

Формально декрет в полной мере сохраняет те льготы, которые были отвоены колхозниками в 1934 году в отношении их прав на личное хозяйство. Фор-

мально новый декрет направлен лишь против «нарушителей сталинского устава колхоза», против незаконного увеличения площади усадьбы, против сдачи усадеб и колхозной земли в аренду, против фиктивных разделов семей для получения новой усадьбы для выделяющихся, против «рвачей», которые работают в колхозе лишь «для близиру».

Формально декрет 28 мая лишь охраняет общественное имущество колхоза от разбазаривания.

Но всякий, мало-мальски знающий конкретную советскую обстановку, понимает, что новый декрет радикально меняет очередное задание властям, проводящим крестьянскую политику, меняет «климат» советской деревни. Внимание к частнособственническим интересам колхозника, охране-

то нельзя не признать, что она от имени громадного большинства партии порывает с «мюнхенской» политикой и переходит на позиции внешне-политического «активизма». Но, в сущности, уже первоначальный проект самой «поль-форовской» фракции, как справедливо отмечалось на предшествовавшем Нантскому съезду парижском информационном собрании «блюмовского» большинства, далеко отошел от былой беспримесно-«мюнхенской» точки зрения этой фракции и в своих формулировках значительно приблизился к платформе большинства. Но на том же информационном собрании Блюм верно заметил, что, как ни важны формулировки, еще важнее тот дух, то настроение, которым руководятся и будут руководиться товарищи, проводящие эти формулировки в жизнь: давая известным мыслям почти же самое словесное выражение, что и проект резолюции большинства, проект резолюции Поля Фора и его фракции совершенно по иному расставлял ударения на этих мыслях и по иному представлял себе их практическое применение.

К чему это привело при условии сохранения всего аппарата партии в руках «мюнхенски» настроенного меньшинства партии, мы уже видели. Но Нантский съезд не только решил оставить аппарат на полгода, до созыва чрезвычайного съезда, в его нынешнем виде, но еще усилил его «мюнхенски» настроенные элементы, дополнительно введя в Постоянную Административную Комиссию двух, а в Административный Совет «Полюэлэр» одного представителя фракции «Выпрямления».

Пока что достигнутый в Нанте «синтез», несомненно, значительно разрядил накаленную внутривнутрипартийную атмосферу: партия и, особенно, ее парламентская фракция получили внешне-политические директивы, за кото-

рыми стоит, не в пример Монружу, авторитет громадного большинства съезда; статьи за подписью Поля Фора и его помощника по секретариату, Северака, стали снова появляться на первой странице «Полюэлэр»; принятое съездом решение о восстановлении «Свободной Трибуны» в Центральном Органе возвратит возможность высказывания на его столбцах всем течениям партии, и если не ослабит потребности во фракционных органах, то, вероятно, смягчит остроту внутривнутрипартийной полемики; и т. д.

Но, насколько эти отрадные итоги Нантского съезда окажутся прочными и насколько создавшаяся более благоприятная атмосфера поможет партии сплотиться в цельную и мощную идейно-политическую силу, способную оказаться на высоте исторических задач, возлагаемых на нее ее положением и внутри страны, и на международной арене, и в Социалистическом Интернационале, — это зависит, с одной стороны, от того, насколько самый ход событий будет ликвидировать все «мюнхенские» и «бургфриденские» настроения в партии, и насколько, с другой, передовые элементы ее сумеют использовать этот ход событий для поднятия мысли партии до уровня внутренне политической, международной и интернационально-пролетарской роли, выпадающей на долю французского социализма.

Заграничная Делегация РСДРП приветствовала Нантский съезд следующей телеграммой:

«Русская Социалдемократия приветствует съезд французской партии, историческая роль которой отводит ей почетное место в рядах международного социализма, как вдохновительнице социалистической мысли и авангарду международного рабочего движения».

ние прав его личного хозяйства перестает быть очередной директивой местным властям. Ударной делается новая кампания: охранение интересов государства и колхоза от посягательства «рвачей и их покровителей».

В свое время нужны были настойчивые и повторные приказы высшей власти и самого Сталина, нужно было в торжественной форме принять 17 февраля 1935 года «священный сталинский устав», чтобы инерция, созданная эпохой раскулачивания, была преодолена, и интересы личного хозяйства колхозника стали признаваться и оберегаться местными властями. Теперь руль вновь резко повернут!

Декрет угрожает карами не только за явные нарушения устава, но требует, чтобы партийные и советские учреждения «приспособляли личные интересы колхозников к интересам общественным», чтобы энергично «велась борьба с пережитками капитализма в сознании колхозника». Декрет предписывает не только немедленное отобрание у всех колхозников излишков земли, предоставленных им в виде ли чрезмерного по размерам участка усадьбы, или в виде аренды, но и предлагает произвести новые переделы земель, там, где колхозникам усадьбы были предоставлены среди колхозных полей или лугов. Декрет предписывает не позже 1 сентября 1940 г. ликвидировать все хуторские усадьбы, сселив всех этих колхозников «к одному месту», т. е. решается на меру, которую даже в годы кровавой сплошной коллективизации не удалось осуществить ни на Украине, ни в Белоруссии.

Внимательное ознакомление с декретом и комментариями советской печати заставляет нас думать, что цель декрета не устранение отклонений от норм устава, а новый поход против личного хозяйства колхозника. Декрет ударит по интересам многих миллионов колхозников.

Еще более агрессивна вторая половина декрета, устанавливающая обязательный минимум, вырабатываемых каждым колхозником трудодней.

Для большинства районов СССР устанавливается минимум в 80 трудодней в год, для 22 областей (в том числе Московской и Ленинградской) в 60 трудодней, а для хлопковых районов в 100 трудодней. На первый взгляд эта обязательная норма невелика, но если учесть, что не меньше 20% колхозников еще в 1937 году вырабатывало ниже 100 трудодней, и что, согласно речи Молотова на 18-ом Съезде ВКП, еще сейчас многочисленны колхозники, вырабатывающие лишь «каких-нибудь 20-30 трудодней», то станет понятно, какие острые последствия может иметь новый декрет для каждого колхозника и для всего сельского хозяйства Союза.

Общеизвестно, что трудодни распределяются в колхозах неравномерно. Согласно устава и инструкций трудодни распределяются в зависимости от специализации, трудоспособности и срока пребывания в постоянной бригаде. Но фактически, на практике распределение трудодней находится в полном распоряжении бригадиров и председателей колхозов.

Конечно, многочисленны случаи, когда колхозники уклоняются от работы в колхозах, считая ее для себя невыгодной. Они ограничиваются лишь минимумом, нужным для «прикрытия», всю же свою энергию и время направляют на работу в своем личном участке *).

*) Когда диктатура решила ухудшить социальное законодательство в городе, она объявила рабочего лодырем; когда диктатура решила прижать колхозника, она объявила его рвачем. Давно известно, что когда хотят пристрелить собаку, ее объявляют бешеной.

«Многие колхозники... получают от своего приусадебного участка значительно большие доходы, чем от колхоза», — меланхолически пишет орган Наркомзема «Социалистическое Земледелие».

Но гораздо многочисленнее противоположные факты. Одни колхозники получают большое количество трудодней, их старательно записывают в «отличники», в «знатных людей», другие с большим трудом добиваются даже того количества трудодней, которое давало бы им возможность сводить свой личный бюджет без дефицита. Для получения трудодней пускается в ход все: и связи, и давление, и коррупция. Здесь возможности произвола неограниченны!

Но причина не только в произволе. Произвол расцветает пышным цветом в благоприятной обстановке: трудодней для всех колхозников не хватает и не может хватить. Чем лучше организована работа в колхозе, чем большее применение находят машины и двигатели, тем меньше требуется рабочей силы в колхозном сельском хозяйстве.

Советская печать приводит многочисленные примеры того, как при увеличении объема работы колхоза, благодаря применению машин и механической энергии, общее число трудодней, потребное колхозу для выполнения его работы, не увеличивается, а уменьшается. Корреспонденция в «Правде» (от 7 июня 1939 г.) указывает, что «если члены артели «Большевик», выработавшие в прошлом году меньше 50 трудодней, будут впредь вырабатывать ежегодно, хотя бы только по 80 трудодней, то артельное хозяйство потребует на 60 человек меньше трудоспособных колхозников».

Эта перспектива переводит в число «излишних рабочих рук» около 10% трудоспособных колхоза. А при плане колхоза «Большевик» довести норму до 200 трудодней на работника, 40% трудоспособных колхозников сделаются излишними для колхоза.

Мы думаем, что эти цифры непомерно велики, но несомненно, что нормализация «освободит» многие миллионы крестьян и переведет их на положение «резервной армии труда».

Жизнь в полной мере подтвердила предостережения, которые делали накануне принудительной коллективизации руководители первого Госплана и Конъюнктурного Института.

Русская деревня всегда имела миллионное хозяйственно-избыточное население. Одной из основных задач русской революции было найти экономически-целесообразное и социально-прогрессивное применение избыточной многомиллионной крестьянской массе. Коллективизация, крупные хозяйства, механизация и другие формы рационализации вновь высвободили значительное количество крестьянской силы. Индустриализирующийся город поглощал лишь часть избыточного населения деревни. Экономическое «перенаселение» деревни оставалось неразрешенной проблемой.

Если бы интенсификация и индустриализация сельского хозяйства происходили в таких же быстрых темпах, как простое замещение живой рабочей силы механической, то многие миллионы крестьян нашли бы применение своему труду в новых трудоемких отраслях колхозного хозяйства, но недостаточное вложение капитала в сельское, и особенно колхозное, хозяйство и громадное, почти хищническое, изъятие государством продукции из колхозов замедляют темп всесторонней интенсификации и индустриализации колхозов. Конечно, имеются отдельные образцовые колхозы, но в массе колхозы еще делают первые шаги в направлении к пере-

довому, удовлетворяющему требованиям агрономии, хозяйству.

Как велики изъятия, которые советская власть делает из страны, т. е. главным образом из деревни, по сравнению с тем, что она ей возвращает, покажет следующая справка. По плану третьей пятилетки намечено вложение во все отрасли народного хозяйства в размере 180 миллиардов рублей, из которых на нужды сельского хозяйства — 10,7 млрд., а на нужды колхоза всего 3,2 млрд. рублей.

Разностороннее передовое хозяйство в советской деревне однако стало развиваться в усадьбе колхозника. Здесь, на своем $\frac{1}{2}$ -1 га, миллионы колхозников, подобно своим собратьям, крестьянам Дании или Японии, стали применять свою неумную личную энергию мелкого производителя, конденсируя труд свой и своей семьи, и этим возмещая недостаток капитала.

Произошло своеобразное явление, опрокинувшее схему сталинской коллективизации. План Сталина был: образцовое, товарное хозяйство колхоза и рядом с ним, терпимое, подсобное усадебное хозяйство, служащее для удовлетворения лишь личных потребностей колхозника. На практике, к 1939 г. сельское хозяйство Союза сложилось по иному: крупное, механизированное, но в значительной мере, еще экстенсивное хозяйство колхоза, дающее главным образом зерно, хлопок и другие виды основного сырья, и рядом с ним мелкое усадебное хозяйство колхозника, тоже работающее на рынок и производящее мясные и молочные продукты, птицу, яйца, фрукты, овощи, мед. Это хозяйство все больше интенсифицируется, сознательно или бессознательно идя по путям Дании, Финляндии, Японии.

Было бы несправедливо утверждать, что колхоз для этих хозяйств служит лишь прикрытием. Он не только освободил колхозника от заботы об основном продукте питания — хлебе, но и является для личного хозяйства колхозника неопценным источником новых агрономических методов и, кроме того, разрешает задачу огромной важности: организует доставку и сбыт продукции их усадеб на городских рынках. Он разрешил для мелкого хозяйства основное препятствие их интенсификации: проблему сбыта их продукции в города.

Так на наших глазах происходит, хотя и медленный, но общий подъем сельского хозяйства путем сочетания крупных и мелких, колхозных и частных форм предприятия, но совсем не на тех началах, которые предписаны были решениями сталинской диктатуры. Одновременно с подъемом сельского хозяйства происходит в стране медленный и очень дифференцированный подъем и жизненного уровня трудящихся.

Но почему советская власть, после стольких суровых уроков жизни, вновь вступает на путь, востанавливающий против нее многие миллионы крестьянства? Почему она это делает сейчас, когда так велика угроза войны и так необходимо обеспечить мир внутри страны?

Крестьянская проблема издавна вскрывает всю противоречивость политики советской диктатуры. Она все время мечется между желанием связать свою судьбу с интересами многомиллионного крестьянства и боязнью возрастающей хозяйственной роли частного крестьянского хозяйства. Казалось, колхозная система нашла хозяйственно прогрессивный выход из этого тупика: решено было подымать все хозяйство на основе колхозной артели. Но сейчас жизнь показала, что колхоз не убил частного хозяйства крестьянина, а лишь видоизменил его формы и его хозяйственную функцию. Советская власть с этим

не хочет примириться. Она сейчас вплотную подведена к необходимости в ту или иную сторону разрешить задачу: или признать законное право личного хозяйства колхозника развиваться рядом с колхозом или вступить на путь раскулачивания на этот раз уже внутри колхоза.

Декрет от 28 мая показывает, что советская власть пугливо, с оглядкой и фарисейством, но вступает на второй путь. К этому ее толкают и другие важные хозяйственно-политические обстоятельства. Для советской диктатуры колхозник, как ранее единоличник, раньше всего объект ее большой политики.

Сейчас, когда военное хозяйство предъявило новые требования и на удвоение финансирования (40 миллиардов рублей в 1939 году) и на миллионы новых чернорабочих, советская власть и то и другое решает взять в деревне: для этого увеличивается давление и на колхоз и на колхозника, и одновременно методами экономическими и административными ускоряется процесс пролетаризации деревни.

Необходим постоянный и все растущий приток из деревни новой рабочей силы. А между тем, условия в которых приходится работать рядовым рабочим на заводах не таковы, чтобы привлекать широкие массы из деревень в города, тем более, что для многих из них привлекательнее и выгоднее использовать свои силы в своем личном усадебном хозяйстве. Тянется в города молодежь, при этом главным образом в ВУЗ-ы или для работы в советском аппарате, но потребность заводов и рудников в миллионах новой чернорабочей силы остается неудовлетворенной.

Не слухайно Сталин в своем докладе на 18-ом Съезде «просил» колхозы организовать регулярную посылку рабочей силы в города. Сейчас потребности военной индустрии поставили эту проблему еще более остро. Советская власть решила заставить часть крестьянства уходить из деревень в города: избыточное население колхоза, неиспользуемое в достаточной мере в колхозе, будет понуждаться и экономически и административно уходить из деревень в поисках заработка.

Декрет, нарушая положения сталинского устава, устанавливает сверху, по своему усмотрению, обязательный минимум трудодней и «рекомендует» колхозам*), тех кто этого минимума не выполнит, исключать из колхоза и лишать права на усадебную землю. Этим же путем государство намеренно разрешить и задачу заселения ряда областей с редким населением, недостаточным для основных целей обороны, напр., Дальний Восток, Алтайский край, Казахстан и т. д.

Мы меньше всего хотим приумножать трудности, которые объективно стоят перед СССР из-за повелительных требований обороны, из-за мало-земельности отдельных районов, из-за миллионов избыточного населения в деревне.

Но мы думаем, что путь, который избирает сейчас советская власть самый неудачный. Вместо того, чтобы раскрепостить колхозы и дать простор личной энер-

*) Циничное нарушение устава и прав колхоза в фарисейской форме рекомендации.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

гии и методам и кооперативной самодеятельности, вместо того, чтобы сделать крестьянина лично и материально заинтересованным в хозяйстве колхоза, вместо того, чтобы замедлить темпы индустриализации города (многие планы далеки от нужд обороны) и соответствующие суммы бросить на индустриализацию деревни, вместо того, чтобы честно признать право на существование, рядом с колхозом, личного хозяйства колхозника, вместо того, наконец, чтобы улучшением условий труда на заводах сделать индустрию экономически притягательной для избыточных крестьянских масс, советская власть

и здесь, как и в ряде других областей, идет трафаретными путями буржуазной политики: резервная армия грудящихся создается путем ускорения пролетаризации деревни. Для этой цели мобилируются и аппарат принуждения и методы экономического воздействия.

Политика опасная, и политически и хозяйственно.

«Социалистическое Земледелие» называет декрет от 28 мая «ярким проявлением сталинской заботы о колхозном крестьянстве».

Лучше не скажешь.

Характеристика весьма меткая, почти саркастическая!

В. АЛЕКСАНДРОВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Меняются декорации и лозунги, уходят со сцены или умирают одни выразители дум своего времени, приходят новые и есть немало людей, которые пытаются охватить смысл революции в этом беспокойном движении, в этой лихорадочной смене имен, директив и одежд. Но заглянуть в существо революции можно и по иному, ее можно постигнуть и по тем неподвижным точкам, около которых кружит ее затихающий ветер, к которым на разных этапах возвращаются мысли современников, потому что в этих неподвижных точках живет неутоленность и неразрешенность больших и, может быть, вечных вопросов.

Наряду с боевыми, текущими проблемами революции, воплощать которые стремилась художественная литература и ей на протяжении всех лет революции присуща тяга к этим вечным вопросам.

В 1937 году в связи с чисткой рядов советской литературы от «троцкистов» и «врагов народа» заклеен был старый писатель-большевик Т а р а с о в-Р о д и н о в за роман «Шоколад», написанный им еще в 1925 году. Появление этого произведения вызвало в свое время резкий отпор официальной критики, но может быть именно поэтому «Шоколад» приобрел большую популярность в среде коммунистической молодежи. Сюжет романа предвосхищает ту эволюцию коммунистической этики, которая привела компартию к Московским процессам.

Во главе губчека провинциального города в период еще не законченной гражданской войны стоит бывший рабочий и старый большевик Зудин. В числе арестованных по делу Савинкова попала бывшая балерина Вальц. Она явно не имеет отношения к заговору и Зудин ее освобождает, растроганный печальным рассказом о жизни Вальц. Зудин — простой, честный, несколько наивный человек. Он верит в то, что рабочему классу удастся построить новый мир человеческих отношений, в котором не будет ни эксплуатации, ни насилия, ни лжи. Чтобы помочь Вальц освободиться от своего прошлого, он устраивает ее конторщицей в Чека. Но прежняя жизнь тяготеет над Вальц. Вальц любит некоего темного авантюриста Эдварда, ей нужны для него большие деньги и связи. Она заинтересована в том, чтобы вовне она слыла «личной секретаршей» Зудина. Она втирается в доверие простодушной жены Зудина, дарит ей 2 пары чулок и несколько плиток шоколада для детей. Узнав о подарке, Зудин негодует, но ему неловко обидеть Вальц отказом. Между тем Вальц, спекулируя именем Зудина, шантажирует семью купца Чоткина и за 20 фунтов золота «содействует» освобождению сына Чоткина.

У Зудина много врагов не только среди обывателей города, но и среди товарищей по партии. Они ждут

только случая, чтобы его скovyрнуть. История с Вальц и с «шоколадом» вырастает в руках присланного от ЦК для расследования партийца Шустрого в целое «дело». «Перед вами сидит здесь не рядовой рабочий, не неопытный юнец, а один из старейших членов партии, революционер с 1903 года», — начинает свою речь на партийном суде будущий Вышинский. «И вот, в ответственный момент революции этот герой дошел до того, ...что обманул данное ему доверие рабочего класса, развратил и разложил вверенный ему аппарат бдительного ока пролетарской диктатуры» и т. д.

Но не этот растленный партбюрократ, требующий расстрела Зудина, а трое судей из большевиков-рабочих волнуют читателя. Чувствуя, что обвинение Шустрого — стряпня, брезгливо морщась от его выпяченного пафоса, они... подписывают смертный приговор. Мотивы? — К городу подходят повстанцы, а рабочие, истерзанные голодом, разочарованные в «господах комиссарах», отказываются выйти на защиту города. История с злополучным шоколадом получила широкую огласку: председатель губчека у всех на виду. Зудин должен быть расстрелян, расстрелян сегодня же, и к вечеру должны уже быть расклеены листовки о совершившемся акте «революционного правосудия» над «разложившимся и связавшимся с контр-революцией» Зудиным.

О состоявшемся приговоре берется сообщить Зудину один из судей, рабочий Ткачев. Он не скрывает от Зудина, что лично он и его товарищи по суду убеждены в том, что вина Зудина — самая малая, но «уж очень, товарищ, высоко мы залезли: никуда не спрячешься... массы не поймут длинных оправданий». Чтобы заставить эти массы забыть о накопленных обидах и разочарованиях, нужна искупительная жертва, тем более, что сама жертва сделала оплошность и этим содействовала «дезорганизации наших рядов». На вопрос Ткачева, как бы в данном случае поступил сам Зудин, если бы был на месте партии, Зудин покорно шепчет: «Убить»...

Несмотря на литературную беспомощность, роман этот волнует читателя с детства знакомым волнением. Еще бы! Конфликт между маленькой правдой и интересами могущественного коллектива — один из любимых мотивов народного творчества. Симпатии народа, симпатии всех угнетенных всегда были на стороне этой крохотной личной правды, у которой никогда и не было другой защиты, кроме того, что она — правда всамделишная. Русская революция и была сначала воспринята всеми угнетенными, как торжество именно этой правды — справедливости. Роман «Шоколад» — первый из произведений советской литературы показал читателю, что и в революционном режиме правда-спра-

ведливость — беззащитна. «Не виноват Зудин», — страстно шепчет друг его Вася Щеглов, назначенный одним из трех судей. Но и он пасует перед аргументом об интересах партийного коллектива, его авторитета. За «большое дело» можно пожертвовать «маленькой правдой» — такова «мораль» романа, в котором стремится убедить Тарасов-Родионов своих читателей.

При всей правоте установки автора — произведение его было отвергнуто критикой, ибо оно слишком конкретизировало реальные трудности, в которых очутились коммунисты в революции. Официальная критика, в своей господствующей тенденции являющаяся на всех этапах революции реакционным фактором, заклеила роман: Массы не должны быть посвящены в трудности, с трудностями надлежит справляться вождям! Во второй раз роман подвергся анафеме в 1937 году. Маленькая правда-справедливость могла гордиться, у нее появился старый козырь в руках: ее опять боятся сильные мира сего!

И много крови должно было пролиться, много тяжчайших преступлений должно было свершиться во славу этого пресловутого авторитета компартии, чтобы тема личной правды восторжествовала над псевдоправдой компартии, чтобы этому могущественному льву понадобилась помощь маленького партийного мышонка из басни Крылова. Как это случилось об этом рассказывает нам пьеса А. Войтехова и Л. Ленча «Павел Греков», идущая сейчас с большим успехом в Театре Революции.

Первоначально пьеса красноречиво называлась «Настоящая жизнь», но по требованию реперткома заглавие ее было изменено. Содержание пьесы несложно: Честный и преданный коммунист Павел Греков по пропискам внутренних врагов партии, исключается из нее. От него отворачиваются его ближайшие друзья и даже жена его, благодаря козням тайного «троцкиста», начинает сомневаться в Павле. Но Греков невиновен и борется за свою реабилитацию, не подчиняясь постановлению парткома, считая, что он борется не только за свою честь, но и за партию. Пьеса кончается восстановлением его в партии и посрамлением всех врагов.

Подлинно и астоящая жизнь раскрылась, однако, не столько в самой пьесе, сколько в связи с ее постановкой. Управление по делам искусств при Моссовете, стоя на позиции диктаторской партии, высказалось против пьесы. Завязалась борьба и управление уступило. Но дав визу, оно потребовало изъятия из пьесы сцены заседания парткома, на котором происходит исключение Грекова: заседания парткома непубличны и негоже, мол, показывать это широкой публике. Управление возражало и против картины, в которой в Грекове начинает сомневаться его жена. «К счастью»

для пьесы за время ее репетиций начальник управления по делам искусств был вкупе со своими ближайшими помощниками разоблачен, как «враг народа», и пьеса пошла в том виде, в каком этого добивался Театр Революции.

По отзывам критиков сама пьеса, вернее, ее текст — беден и маловыразителен (до реперткома ее утюжили другие Доброхоты), но вывезла пьесу хорошая и правдивая игра актеров, особенно игра Астангова, исполняющего в ней роль Павла Грекова. Критик Альтман смотрел пьесу вместе с делегатами Московской конференции комсомола. Рядом с ним сидели представители «передовой молодежи Москвы»: отличники, герои Советского Союза. «И как волновались эти зрители!» Волнение дошло до апогея во время сцены в парткоме. После исключения Грекова к нему подходит секретарь Рыдай (выразительная фамилия!) и требует отдачи партбилета. Павел Греков кричит ему в отчаянии: «Не подходи!» А зал в это время... аплодирует Грекову: «Каждый из присутствующих, — рассказывает Альтман, — мысленно представляет себя в положении Грекова. И одобряет героя. Один из зала кричит: „не отдавай партбилет!“ Сзади меня раздался возглас по адресу секретаря парткома Рыдай: „не по уставу действуешь!“ Раздались реплики: „не имеет права“...»

Любопытен рассказ самого Астангова в «Литературной газете» о всех злоключениях с постановкой этой пьесы. «Чем больше я вдумываюсь в характер замечаний, которые делали нам, тем больше я начинаю понимать, почему у нас так много плохих и так мало хороших пьес и спектаклей. Все свежее, своеобразное, все дышащее жизнью, безжалостно выбрасывается некоторыми чиновниками реперткома из авторского текста». Успех пьесы, совпавший с новой кампанией против «перестраховщиков», позволил Астангову закончить свою статью не совсем трафаретно: Успех пьесы был оттого не рядовым, что у актеров было чувство удовлетворения, что «они проявили гражданское мужество и не пошли на поводу у рыцарей перестраховки. Вместе с героями пьесы мы вели борьбу за самое дорогое, и самое важное, чем располагает наша партия, — за людей честных и безгранично преданных делу коммунизма».

Пьеса как будто абсолютно «благонадежна» и авторы ее, конечно, и в мыслях не имели «колебать основы». Но вот стоило только публично коснуться вопроса о подлинной правде, не боящейся восстать против официальной лжи, и из недр такого, казалось, «верного», такого обезличенного общества со стихийной силой прорываются встречные бодрые голоса. Чутье полицейских ишек из реперткома их не обмануло.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН.

Палестинский клубок

Среди бесчисленных «узких мест» современной международной политики, — маленькая Палестина давно уже привлекает к себе напряженное внимание. Если даже отбросить факты прямого или скрытого давления на обстановку в Палестине, оказываемого фашистскими режимами, и не придавать решающего значения весьма прозрачной роли «невидимки», которую они разыгрывают там, — то достаточно назвать три фактора, определяющих сегодняшний день Палестины и ее завтрашнюю судьбу: Англию, арабов и евреев, — чтобы сразу же почувствовать себя в самом центре палестинско-

го клубка и осознать всю остроту и сложность положения.

Новейшая политика Англии в Палестине определяется стремлением ее, как страны, которой принадлежит мандат, — выйти из длительной полосы зигзагов и колебаний, овладеть положением, стать хозяином этого положения и начать более определенный курс. Изданная 17-го мая с. г. Белая Книга, порывающая с политической компромиссов в отношении евреев и совершающая резкий поворот «лицом к арабам», — так и воспринята особенно сильно ущемленным сионистическим обще-

ственным мнением, — как отказ Англии от содействия делу создания «еврейского национального дома» в Палестине. Бальфуровская декларация, лежавшая в основе всего сионистского строительства в Палестине, не раз подтвержденная крупными государственными людьми Англии, — лежит ныне растерзанная, в пыли среди других «клочков бумаги», довольно щедро рассеянных историей на путях своих превращений. Не нужно быть сионистом, чтобы понять людей, очутившихся у последней черты отчаяния после восторженных взлетов на головокружительные высоты.

Еще весной были колебания в политике Чемберлена и Малькольма Макдональда. Повидимому, действовала обычная трафаретно-традиционная тенденция в английской колониальной политике, которая предпочтительней считала недоговоренность и иллюзии — всякому определенно — недвусмысленному курсу. Но когда арабско-еврейская конференция в Лондоне была сорвана сторонами, и беседа у круглого стола не удалась, — Чемберлен принял решение оборвать ниточку, на которой еле держались сионистские надежды. Брутальный смысл Белой Книги и подведенный под нее гвердый курс не оставляют сомнений в последствиях, которые для Палестины стали неизбежны. Про-арабский тон документа делает его музыку. Ориентация на арабов — вот его политическое содержание. А психологически в нем очень характерно отсутствие даже каких-либо, хотя бы словесных, примирительных заявлений в отношении евреев.

«Авторы мандата и декларации Бальфура, — читаем мы в Белой Книге, — не имели в виду, чтобы Палестина превратилась в еврейское государство против воли арабов. Английское правительство заявляет, что в его политику не входит превращение Палестины в еврейское государство. Такую задачу правительство рассматривало бы, как стремление, противоречащее взятым им на себя на основе мандата обязательствам в отношении арабов». Таков язык и таков недвусмысленный смысл нового курса в Палестине. В сущности говоря, Чемберлен становится в Белой Книге целиком на точку зрения арабов, по мнению которых в Палестине должно быть создано независимое арабское государство, в котором евреи должны остаться в положении национального меньшинства. Правда, до наступления этого момента предусматривается переходное время в 10 лет. Но даже и для этого периода еврейская эмиграция допускается всего лишь в размере 75-ти тысяч в течение первых пяти лет с тем, чтобы после этого дальнейшая эмиграция евреев производилась лишь с согласия арабов. Эти последние пункты Белой Книги, как и ограничение в покупке земли у арабов, имеют впрочем второстепенное значение, в сущности лишь подчеркивая и усиливая центральный момент в отношении Палестины, — а именно отказ от декларации Бальфура...

Реакция еврейского общественного мнения на Белую Книгу приняла естественно довольно внушительные размеры. Кампания протеста вышла за пределы сионизма, особенно в Соед. Штатах, где за последние годы заметно усилились если не про-сионистские, то про-палестинские симпатии, захватившие и еврейские социалистические круги (в том числе «Форвертс», «Цукунфт» и др. органы печати). Вообще картина современных настроений в еврействе в связи с глубоким кризисом, ныне наступившим для сионизма, заслуживает особого внимания. В данный же момент существенно подчеркнуть, что курс Чемберлена в палестинском вопросе был воспринят еврейской мыслью, как некая неожиданность, как внезапный, ничем неоправданный «подвох», как своего рода «нож в спину». Так ли это однако? Действительно ли обуянный «духом Мюнхена» Чемберлен

(как выразился д-р Вейцман) нарушил преемственность своей палестинской политики и в ночь с 16-го на 17-ое мая совершил крутой поворот в 180 градусов? Или, может быть, сионистское общественное мнение оказалось неподготовленным к этому шагу со стороны Англии, потому что вожди сионизма держали его в иллюзорном заблуждении? Но для всякого, кто наблюдал с достаточной трезвостью, не опьяненную завоеваниями сионизма и темпами роста еврейского населения в Палестине, — кто не забыл всей перманентной остроты и сложности обстановки в Палестине, — о чем не уставал напоминать непрекращающийся с 1936-го года террор арабских националистов, — тот не может не видеть в Белой Книге от мая 1939-го года лишь завершение, правда резкое и brutальное, той эволюции английской политики, которая медленно, но планомерно происходила на наших глазах. Чего-чего, но никакой уж неожиданности в акте Чемберлена не было!

Ведь любопытно, что один из первых английских администраторов, поверивших в сионистское дело, — Герберт Сэмюэль, сам к тому же еврей, после погромов 1920-21 гг. уже ввел ограничения еврейской эмиграции, — явственно «раздражавшей» арабов и толкавшей их на погромы. Вспомним следующую волну погромов в стране, относящуюся к 1929-му году, когда 132 еврея было убито и 198 ранено. У власти стояла нынешняя «оппозиция», и никаким «мюнхенским духом» еще не пахло. Какова же была политика Англии в этот период? Если в ней не было про-арабских тенденций, если в ней не было стремления чуть ли не обвинить самих палестинских евреев в погроме, — то почему же сионисты и не-сионисты провели кампанию протеста и против комиссии Шоу и против Белой Книги лорда Пасфильда (Сиднея Вэбба)? Или возьмем, наконец, план раздела Палестины и образования карликового еврейского государства, — план королевской комиссии 1937 года под председательством Пиля. Ведь сионисты типа Усышкина были в принципе совершенно правы, когда говорили об «измене Англии» и о ликвидации бальфуровской декларации, — хотя теперь может быть совершенно ясно, что создание даже такого карликового государства было бы для сионистов большим выигрышем в сравнении с положением, сложившимся теперь.

Как бы то ни было, из нашей краткой экскурсии в область взаимоотношений Англии и сионистов с очевидностью вытекает, что ничего принципиально-нового сейчас не произошло. Напротив, крушение сионистских упований, предвиденное уже давно элементами, не опьяненными сионистским самообольщением, таилось в зародыше можно сказать в каждом акте мандатарной державы. Люди, наблюдавшие эту политику в самой Палестине, не раз свидетельствовали о том же. «Едиственная основа нашей политики это — доверие к правительству мандатарной державы», — не уставал убеждать д-р Вейцман колеблющихся и малoverов с трибуны сионистических конгрессов. Но, повидимому, при

„Мировой Большевизм“ по-французски :

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.
176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

всем англофильстве вождя сионистов, он и сам искал иных аргументов, кроме апелляции к векселю, выданному Англией, — к бальфуровской декларации. «Бог обещал Палестину евреям, — вот наиболее важный для нас документ», — заявил д-р Вейцман в королевской комиссии Пиля*). Для Влад. Жаботинского этот аргумент «от Писания» оказался поистине находкой. В варшавской газете «Момент» он выразил свое возмущение Белой Книгой, сравнив при этом бальфуровскую декларацию с «векселем, текст которого скреплен собственноручной подписью бога»...

Так или иначе, — подготовлено-ли было сионистское общественное мнение к тому, что случилось или же издание чемберленовской Белой Книги оказалось для него ударом обуха по голове, — ясно одно: сионизм со всей его программой, с его планом создания еврейского государства в Палестине, с его стремлением к еврейскому большинству в стране (где до сих пор арабы составляют больше 2/3 населения) переживает один из самых глубоких кризисов своей послевоенной истории. В сознании сионистов до сих пор все испытания и все бедствия, — и в первую голову весь комплекс арабских притязаний, — в форме еврейских погромов и террористических актов, острием своим направленных против евреев, — все без остатка искупалось бальфуровской декларацией, т. е. в конечном счете надеждой на Англию. Сионистические теоретики, в особенности «марксистского» лагеря, изощрались в доказательствах той неоспоримой для них истины, что Англия в своих собственных империалистических интересах нуждается в еврейской Палестине и без нее не может обойтись. И вот сейчас оказывается, что эта конструкция покоилась на утопии, что еврейское государство в Палестине не лежит по линии длительных и значительных интересов империалистической Англии. Оказалось, что в своей борьбе против экспансии тоталитарного блока на Ближнем Востоке Англия отнюдь не согласна пожертвовать в угоду сионизму симпатиями многомиллионного арабско-мусульманского мира, — симпатиями приобретающими для Англии и Франции огромное значение перед лицом возможной военной опасности.

Если таков смысл событий, — а в сущности и сионистская публицистика не сможет отрицать это, — то единственный, повелительно диктуемый вывод заключается в самокритике сионизма, в переориентировке всей тактики палестинского еврейства. Такая переориентировка повелительно диктуется объективным положением. Ведь теперь уже не приходится больше мечтать о еврейском государстве и о еврейском большинстве в Палестине. Более того, еврейство Палестины объективно и фактически оказывается в том же положении, в каком находятся еврейские меньшинства в «голусе», в странах рассеяния. Еврейство Палестины принципиально ничем не будет отличаться впредь от еврейства Польши и Литвы. Можно опасаться, что политически его гражданские и национальные права при арабском большинстве в независимом через 10 лет палестинском государстве будут никак не больше гарантироваться, чем во многих странах Восточной Европы. И поэтому борьба за эти права, за права национального меньшинства, выступает со всей остротой и серьезностью для еврейства Палестины. На этой почве, быть может, наконец, наметится просвет в арабско-еврейских отношениях, наметится выход из тупика, который создан в первую очередь конечно стихийным ростом арабского национализма, но к созданию которого и сионизм свои руки приложил.

Трудно, конечно, ожидать столь быстрого перелома настроений в палестинском еврействе и в сионистской среде. Но та развернутая картина организованной и неорганизованной реакции на Белую Книгу, свидетелями которой мы являемся, говорит о чем угодно: о естественном чувстве протеста и возмущения, о глубоком разочаровании, о душевном смятении, доходящем до отчаяния, — но напрасно мы будем искать во всем этом признаков политического сознания. Как известно, в Иерусалиме и Тель-Авиве были демонстрации и столкновения с английскими войсками. Объявлена и забастовка протеста (двухчасовая забастовка, устроенная в Польше, не могла пройти с успехом, ибо, как известно, во всех крупных городах на последних муниципальных выборах обнаружился катастрофический провал всех сионистских партий и группировок). Сионистские нотабли Лондона и Нью-Йорка вынесли резолюцию протеста и потребовали отмены Белой Книги, восстановления декларации Бальфура и чуть ли не отставки Чемберлена. Еще можно было понять на фоне древнего пейзажа Палестины, в этой стране воспоминаний, когда на сцене появились раввины, провозглашавшие на языке Библии и пророков клятвы, читавшие псалмы и торжественно разрывавшие ненавистную Белую Книгу. Но когда и в Нью-Йорке и в Лондоне демонстрации с пением псалмов становятся стилем сионистского движения, то это уже вызывает серьезное недоумение.

Впрочем, это не все. К сожалению, имеется и определенная политическая нота в бурном хоре протестов. Нота эта — призыв к борьбе с Англией. В Палестине разрабатывается целая система «пассивного сопротивления». Одни требуют отставки Вейцмана, потому-ли, что его политика вообще провалилась, потому-ли, что она провалилась из-за его сотрудничества с деятелями рабочей организации, входящими в Интернационал (для переговоров с правительством Чемберлена не годятся люди, входящие в Интернационал, — писала палестинская газета «Габойкер»). Другие проводят мобилизацию активной и военизированной молодежи. Третьи организуют «Комитет национального спасения» и настаивают на вхождении в него, как «спеца», П. Рутенберга, нынешнего сиониста, а бывшего члена Боевой организации партии эсеров. И все это, по видимому, для той же единственной центральной задачи: борьбы с Англией. В Варшаве однако выработан план гораздо более радикальный. Так, еврейская газета «Гайнтике Найе» предложила прокламировать немедленно, в ответ на Белую Книгу, еврейское государство в Палестине, разослать послы во все мировые столицы, заключить интернациональный заем и безотлагательно перевести в Палестину миллион новых евреев — эмигрантов. Надо думать, что д-р Вейцман и руководители Гистадрут прочитали этот «план» с тем же чувством, что и мы. Но, вероятно, и призыв Вл. Жаботинского возродить «еврейский легион», на этот раз для борьбы с Англией, не вызвал в них большого удовлетворения. Что же в таком случае официальный сионизм имеет в виду предложить еврейскому населению Палестины, — что внесет он на свой конгресс в августе? Об этом пока можно только гадать. Судьба палестинского еврейства в значительной мере зависит от того, насколько сионизм окажется способен к самокритике. Но от этого зависит также и судьба самого сионизма..

От редакции. — В следующем номере будет помещена статья, присланная нам из Тель-Авива тов. В. Е. Мандельберг и трактующая вопрос под несколько иным углом зрения.

*) Цитировано в книге М. Вишняка: «Д-р Вейцман», стр. 143, 169.

По России

ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

Поле более чем девятимесячных «парламентских каникул» 25-го мая открылась 3-ья сессия ВС СССР. Не прошло и недели, и уже 31-го мая советский парламент вновь закрылся на неопределенно долгий срок. Процесс удушения советского парламентаризма развивается с железной последовательностью. Реакция работает неумолимо. Верховный Совет СССР усыхает на корню.

Но и эти немногие дни сессии были для Верховного Совета лишь днями мимолетной жизни. Стоит присмотреться несколько ближе, как провели «народные избранники» эти страдальческие дни. Совет Союза открылся 25-го мая в 2 часа дня. Первое заседание его свелось к оглашению порядка дня сессии и принятию постановления о заслушании доклада наркомфина Зверева о бюджете в совместном заседании обеих палат. Пронюло едва 15 минут (!), и первое заседание Совета Союза было закрыто. В 4 часа открылось 1-ое заседание Совета Национальностей, точь-в-точь повторившее заседание Совета Союза. Явно растерявшийся московский корреспондент парижского «Юманите» пытался было даже по поводу этого, беспремерного, какется, в истории парламентаризма факта настроиться на торжественный лад: «Чувство конкретного, присущее социалистическому парламенту, находит свое выражение в том факте, что первое заседание продолжается едва-едва четверть часа». Горек бывает хлеб сталинских захребетников.

Вечером того-же 25-го мая состоялось двухчасовое совместное заседание обеих палат, в котором наркомфин Зверев сделал доклад о бюджете. После этого состоялись по три заседания Совета Союза и Совета Национальностей, посвященных бюджетным прениям: Совет Союза собирался 26-го и 27-го мая в 11 ч. утра и 28-го мая в 6 ч. вечера, Совет Национальностей 26-го в 6 ч. вечера и 28-го и 29-го в 11 ч. утра (27-го мая Совет Национальностей вообще не собирался). Наконец, 29-го в 6 ч. вечера и затем 31-го тоже лишь в 6 ч. вечера состоялись два совместных заседания обеих палат, и на этом тяжкий труд «случных людей советского народа» был закончен. Кстати, за этот стахановский труд члены ВС СССР получают постоянный оклад (сверх заработка по своей обычной работе) в размере 1.000 рублей в месяц (кроме 150-тирублевых суточных за период сессии). Есть, вероятно, немало среди депутатов людей, испытывающих при получении этого «депутатского жалования» чувство неловкости, если не прямо чувство стыда.

Созыв ВС явно имел целью дать возможность только что назначенному новому наркоминделу высказаться о международном положении. В европейских газетах сообщалось, что 25-го мая, сейчас же после открытия сессии ВС Молотов выступил с пространной речью о международной политике Советского Союза. Этой речи очень ждали. Но ожидания эти не оправдались. В последнюю минуту, очевидно, было решено с выступлением Молотова повременить и занять ВС прежде всего обсуждением бюджета на 1939 год.

Наши читатели, может быть, еще помнят анализ, которому подвергся на страницах «С. В.» бюджет на 1938 г. (см. статьи «Итоги сессии Верховного Совета» в № 17 и «О едином государственном бюджете» в № 18 за прошлый год). Бюджет на 1939 г. ничего принципиально нового не вносит. Заслуживает внимания громадное увеличение бюджетных доходов, но в какой мере оно отражает хозяйственный рост страны и в какой должно быть отнесено за счет усиления финансового давления на население, доклад Зверева не дает возможности судить. Общее увеличение доходов достигает гигантской цифры в 28,5 миллиардов рублей, но из них более 19 миллиардов приходится на увеличение поступлений от налога на оборот и от отчислений от прибыли, причем и сам Зверев счел необходимым подчеркнуть, что этот громадный рост бюджетных доходов «базируется» не только на увеличении объема производства и пр., но и «на упорядочении», т. е. на повышении «отпускных цен на продукцию некоторых отраслей промышленности». Об усилении финансового давления на население говорит и рост почти на 1 миллиард (68,6%) доходов от МТС, и рост почти на полтора миллиарда (27,8%) «налогов и сборов с населения» и рост поступлений от государственных займов, которые в текущем году должны достичь гигантской цифры почти в 10 миллиардов рублей (рост на 2 с половиной миллиарда, т. е. на 31,1%).

Усиливается в бюджете за текущий год и отмеченная у нас еще при рассмотрении бюджета за прошлый год анти-демократическая тенденция к крайней бюджетной централизации. Зверев пытался затушевать этот факт ссылкой на то, что «союзный бюджет возрос в 1937 г. по сравнению с 1932 г. на 267,2%, республиканские-же бюджеты возросли на 326,1%,

а местные на 393,3%», что свидетельствует — с удовлетворением замечает наркомфин — о «более быстром относительном росте республиканских и местных бюджетов по сравнению с союзным». Но ведь ВС не столько должен был интересоваться сейчас бюджетом за 1937 г., тем более по сравнению с 1932 годом (!), сколько бюджетом 1939 года по сравнению с предшествующим годом. А тут дело обстоит отнюдь не так, как это пытался изобразить незадачливый наркомфин, а как раз наоборот. Сопоставляя только что принятый бюджет на 1939 год с бюджетом на 1938 г., принятым в предыдущей сессии ВС, мы убеждаемся, что союзный бюджет вырос (по расходам) с 96,4 до 116,7 миллиардов, т. е. на 21,1%, бюджеты же союзных республик (республиканские и местные) с 34,8 до 38,7 миллиардов, т. е. лишь на 11,4%, и доля союзного бюджета в сводном бюджете выросла с 73,5 до 75,1%. И та же тенденция обнаруживается и при анализе развития бюджетов союзных республик: при общем увеличении республиканских бюджетов, как только что отмечено, на 11,4%, советские бюджеты республик увеличиваются на 39,2% и местные бюджеты лишь на 2,5%.

Прения по бюджету носили на этот раз несколько менее «митинговый», несколько более деловой характер, но все попытки деловой критики бюджета со стороны депутатов ВС строго ограничивались рамками узко ведомственной критики. Сколько-нибудь значительного общественного интереса критика эта не представляет, и отдаиваться на ней в рамках настоящего обзора нет нужды. Но что заслуживает внимания, это обнаружившееся во время сессии ВС дальнейшее выветривание самых основ парламентского бюджетного контроля.

Во время первой сессии ВС каждая из палат ВС избрала «постоянную» бюджетную комиссию. Ко второй сессии ВС, в «Ведомостях ВС» появилось сообщение, что бюджетные комиссии обеих палат почти за месяц до открытия сессии собрались и приступили к работе. Сейчас даже и «Ведомости ВС» хранят о работе бюджетных комиссий абсолютное молчание, и работа эта была окружена атмосферой тайны по самым худшим бюрократическим образцам. К этому впрочем у нас не привыкать стать. Но на сессии обнаружилось и кое-что новое.

Докладчиками бюджетных комиссий выступали во время второй сессии ВС председатели комиссий — Сидоров в Совете Союзов и Хохлов в Совете Национальностей. На этот раз в Совете Союзов произошла перемена: с докладом бюджетной комиссии выступала Клавдия Николаевна Сидорова, бывш. председатель Московского Совета и депутат ВС СССР и ВС РСФСР от Октябрьского избирательного округа г. Москвы, «исчез» бесследно еще в начале текущего года, но Совет Союза сделал вид, что он не замечает странного исчезновения председателя своей бюджетной комиссии. Впрочем судьбу Сидорова разделили и члены бюджетной комиссии Союзного Совета бывш. председатель Ленинградского Совета А. П. Петроцкий, бывш. председатель СНК Белоруссии Ковалев, бывш. председатель СНК Казахстана Ураз Исаяв и, может быть, и кое-кто из остальных 9 членов бюджетной комиссии. И почти такие же опустошения были произведены и в составе бюджетной комиссии Совета Национальностей. В этих условиях работа бюджетных комиссий стала, повидимому, просто невозможной, и комиссии фактически были пополнены в каком-то тайном порядке еще-конституционным порядком новыми членами. Это неожиданно обнаружилось во время речи депутата Байдукова в заседании Совета Национальностей 29-го мая. Байдуков в состав бюджетной комиссии избран не был, но, оказалось, не только принимал участие в работах бюджетной комиссии Совета Национальностей, но и возглавлял подкомиссию тяжелой промышленности.

Стоит остановиться еще на одной детали, значения которой не следует преуменьшать. Бюджет на 1938 год рассматривался Верховным Советом лишь на 8-ом месяце бюджетного года. Чтобы сделать вперед невозможной эту антиконституционную бессмыслицу, ВС внес в прошлом году в закон о бюджете специальную статью, обязывающую СНК СССР внести в ВС проект бюджета на 1939 год не позднее 15-го декабря 1938 года. И это постановление Верховного Совета было СНК'ом нарушено. Наркомфин Зверев не пытался ни одним словом объяснить, чем было вызвано это как ни как немаловажное нарушение основных прав советского парламента, и никто из членов ВС не нашел в себе достаточно мужества, чтобы поставить этот вопрос правительству и наркомфину. Сейчас прошлогодняя антиконституционная практика начинает становиться традицией. Бюджет на 1939 год утвержден лишь к началу 6-го месяца бюджетного года. Но ВС на этот раз уже осторожнее, и в законе о бюджете на 1939 год уже нет статьи, обязывающей СНК внести к опре-

деленному сроку проект бюджета на будущий год в ВС. В доме повешенного не говорят о веревке.

Прошлогодний закон о бюджете содержал и еще одно заслуживающее внимания постановление:

«Предложить СНК СССР ввести на утверждение следующей сессии ВС СССР проект закона о едином государственном бюджете СССР, предусматривающий установление более устойчивых источников доходов по республиканским и местным бюджетам».

И это постановление ВС было СНК'ом нарушено. Во время 3-ей сессии ВС многие из депутатов жаловались на недочеты действующего бюджетного законодательства, особенно в части его, касающейся республиканских и местных бюджетов, а один из депутатов (Хохтария в Совете Национальностей) так и брякнул, что «необходимо создать единое Положение о государственном бюджете СССР, бюджетах союзных республик и местных советов». Но никто не решился прямо спросить Молотова или Зверева, почему прошлогоднее постановление ВС осталось невыполненным. Сам Зверев в своем заключительном слове в Совете Национальностей сообщил, правда, что проект такого «Положения» (слово «закон» тщательно избегается, и это, как мы сейчас увидим, не случайно) уже разработан Наркомфинансов и будет внесен «в ближайшее время» в СНК СССР. Но о том, что проект этот будет передан на рассмотрение Верховного Совета, Зверев не проронил ни звука. Законодательные права ВС уходят все скорее, чем его бюджетные права.

То, что происходит с законодательными правами Верховного Совета, нельзя не признать полной катастрофой. Пропавшая грамота, все именуемая Сталинской конституцией, сосредоточивала всю полноту законодательной власти в Верховном Совете: «Законодательная власть осуществляется исключительно Верховным Советом СССР» (ст. 32). В действительности не только это «исключительно» превратилось в мертвую букву, но создается такое положение, при котором ВС почти полностью отрывается от законодательства, почти целиком **исключается** из числа законодательных органов. Законодательство все шире осуществляется «постановлениями» ЦК ВКП и СНК СССР*, и как раз во время 3-ей сессии ВС и как бы в пику ему в таком порядке было издано несколько чрезвычайно важных законов, глубоко затрагивающих интересы многомиллионного крестьянства. Эти законы («постановления») не вносятся в ВС даже и для последующего утверждения (да и как их внести, не срамысь?), законодательная деятельность которого сводится к утверждению изданных между сессиями «указов» Президиума Верховного Совета преимущественно полу-административного характера и тех немногих законопроектов, которые вносятся в ВС. Но если во 2-ой сессии ВС еще обсуждал несколько законопроектов общего характера (о судостроительстве, о гражданстве и др.), то в эту сессию были внесены в ВС всего лишь два законопроекта — об образовании общесоюзного наркомата промышленного строительства и об образовании республиканских наркоматов автотранспорта —, относящихся как раз к тому узкому кругу вопросов полу-административного характера, которые разрешаются между сессиями «указами» Президиума ВС. Невольно напрашивается мысль, что такое ограничение программ законодательных работ 3-ей сессии ВС не случайно. В этом чувствуется система.

Законодательные права Верховного Совета подверглись на практике — по сравнению со 2-ой сессией — резкому уменьшению и с **процессуальной стороны**. Во время 2-ой сессии ВС после доклада наркомюста по законопроекту о судостроительстве выступали докладчики комиссий законодательных предложений — в Совете Союза **Шагимарданов**, в Совете Национальностей **Тюркин**. По законопроекту «о гражданстве СССР» этот порядок был, правда, нарушен, и комиссии законодательных предложений обеих палат не имели по этому проекту суждения. Но законопроект «о государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» даже и внесен был формально от имени комиссии законодательных предложений Советов Союза, как и законопроект «о порядке ратификации и денонсации международных договоров» был внесен по инициативе комиссии по иностранным делам Совета Национальностей. В обоих случаях это была, вероятно, во втором случае намеренно, лишь фиктивная парламентская законодательная инициатива, но эта фикция все же как-то подчеркивала права парламента, и по обоим вопросам выступали докладчики комиссий ВС — **Угаров** по первому, **О. Ю. Шмидт** по второму (кетати, первый уже отошел политически в небытие, второй явно на ущербе). Напротив, во время 3-ей сессии ВС комиссий законодательных предложений точно

просто уже не существовало, и ни по вопросу об образовании наркомата промышленного строительства, ни по вопросу об образовании республиканских наркоматов автотранспорта комиссии ВС не имели суждения, как, конечно, им не было дано высказаться и об указах Президиума ВС, опубликованных в период между сессиями: игнорирование комиссий ВС при обсуждении этого вопроса вошло в норму, еще начиная с 1-ой сессии Верховного Совета. «Постоянные» комиссии законодательных предположений обеих палат ВС просто отмирают, и за всю сессию они не только ни разу не собирались, но о них публично даже ни разу не вспоминали. Чего уж хуже?

И та же судьба постигла и «постоянные» комиссии по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей. Они не только ни разу не собрались за девятимесячный период между сессиями (и это «постоянные» комиссии!), насыщенный событиями почти трагического международного значения, но и во время сессии не проявили никаких признаков жизни. При открытии 3-ей сессии ВС вопросы международной политики стояли в центре общественного внимания. Публичное выступление **Молотова**, которого ждали и в СССР, и за границей, в день открытия сессии не состоялось. Но и комиссии по иностранным делам обеих палат не собрались и вопрос о выслушивании сообщения Молотова хотя бы в закрытом заседании комиссий по иностранным делам даже и не подымался. Больше того: когда было, наконец, решено, что Молотов выступит в заседании ВС, выступление это было инспирировано, как выступление по инициативе нескольких депутатов Верховного Совета, но не комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей или хотя бы председателей этих комиссий (**Жданова** и **Булганина**), а по инициативе 7 депутатов, из которых только двое (**Тимошенко** и **Папаян**) входят в состав комиссии по иностранным делам Совета Национальностей. Это ли не значит, что комиссии по иностранным делам ВС больше фактически не существуют? И не случайно, может быть, что ВС даже не заметил, что председатель комиссии по иностранным делам Совета Национальностей **Булганин**, вошедший в октябре прошлого года в состав СНК СССР, не может оставаться председателем комиссии и что на его место следовало бы избрать нового председателя. Когда комиссия умерла, все это уже не имеет значения.

Речь Молотова в рамках настоящего обзора можно обойти молчанием: поднятым в ней вопросам посвящена в этом же номере «Социалистического Вестника» особая статья. Но на докладе секретаря Президиума ВС **Горкина** «об указах Президиума ВС СССР, принятых в период между 2-ой и 3-ей сессиями и подлежащих утверждению ВС СССР», необходимо остановиться несколько подробнее.

В докладе секретаря Президиума ВС, носившем характер сухой канцелярской справки, перечислены — без всяких аргументов — указы о разукрупнении областей и наркоматов, о назначении новых членов правительства и об изменении срока службы во флоте. Но есть кое-что в этом докладе и сверх того: все в том же канцелярском стиле **Горкин** ввел в ВС ряд «предложений» — частью от имени Совета Старейшин Советов Союза и Совета Национальностей (вот если бы хоть когда-либо сообщали, как образуется этот таинственный Совет Старейшин), частью от имени «групп депутатов» — об изменении состава Президиума ВС. Этих последних мы еще коснемся, но сперва остановимся на изменениях в составе правительства.

У нас уже отмечалось (см. обзор в предыдущем номере «Соц. Вестника»), что в промежутке между 2-ой и 3-ей сессиями ВС почти весь состав СНК обновился. И в сообщениях об этих изменениях нужно отметить шаг назад по сравнению со 2-ой сессией. Тогда тот же **Горкин** сообщил об «освобождении» 5 наркомов и о назначении на их должности новых людей и перечислил и даты освобождения одних и назначения других. В 3-ей сессии был установлен более упрощенный порядок: назывались только вновь назначенные наркомы, но уже без указания времени их назначения и имела «освобожденных» уже не были даже названы. Благодаря этому оказалось возможным опять обойти молчанием падение заместителей Председателя СНК **Косыра** и **Чубаря** и скрыть неблагоприятные в тех наркоматах, где нарком пал, но его преемник еще не назначен. Так в наркомздраве вот уже более полугода «исчез» нарком **Болдырев** и наркомат управляется его заместителем **Проппер-Гращенковым** или в Комиссии по делам искусств вместо председателя **Назарова** с середины апреля вершит и правит и. о. председателя **Храпченко**; но менее внимательные среди депутатов, может быть, до сих пор считают **Болдырева** и **Назарова** членами правительства. Такой «порядок» облегчает возможность всяких закулисных комбинаций с составом правительства и уже окончательно разрушает принцип «образования» правительства Верховным Советом.

Но с новыми назначениями произошел и еще один конфуз. Президиуму ВС предоставлено право освобождать от должности и назначать «отдельных» членов правительства лишь

* Подробностей, может быть, не лишняя значения: до недавнего времени такие постановления издавались, как общее правило, как постановления СНК СССР и ЦК ВКП; в последнее последнее время порядок подписи изменен, и новейшие совместные постановления обоих органов обычно публикуются как постановления ЦК ВКП и СНК СССР.

«в период между сессиями» (ст. 49 п. «е» конституции). Во время сессии такие назначения уже не могут производиться в порядке указов Президиума ВС. Между тем Горкин внес на утверждение ВС указы о назначении не только 28 наркомов (из 35, так Президиум ВС назначает «отдельных» наркомов!) и двух зампредов СНК (Булганина и Вознесенского), о назначении которых в свое время сообщалось, но и указы о назначении двух новых зампредов СНК Землячки и Вышинского, назначение которых состоялось уже во время сессии ВС, т. е. с прямым нарушением ст. 49 конституции.

Из таких все более учащающихся нарушений постепенно складывается целая система новой антиконституционной и антипарламентарной государственности. Выше я уже упомянул, что Горкин не ограничился докладом об указах, принятых Президиумом ВС, но взял на себя и роль докладчика по ряду «предложений», исходивших — или будто бы исходивших — от депутатов: об освобождении от должности членов Президиума ВС Берии (как вошедшего в состав правительства; вместо него никто не избран, что тоже нарушает ст. 48 конституции), Хохлова, Г. И. Петровского и Умурзакова,

с заменой последних трех Бадаевым, Коротченко и Казакпаевым. Для бывш. многолетнего председателя украинского ЦИК'а Петровского и бывш. председателя казахстанского ЦИК'а Умурзакова это окончательный политический закат.

Но эти «предложения», внесенные Горкиным, интересны не столько даже из-за личностей устраиваемых и вновь назначаемых, а из-за того грубого нарушения элементарного парламентского порядка, которое было при этом допущено. Совет Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей или «группы», от имени которых он говорил!) не могут вносить свои предложения в ВС через Президиум ВС, а должны вносить их через председателей палат (напомню, что Президиум ВС это самостоятельный орган, своего рода коллективный глава государства, и отнюдь не может быть отождествлен с парламентским президиумом на Западе, роль которого у нас исполняют председатели и товарищи председателей палат). Здесь Горкин создал еще один антипарламентский прецедент. Таких прецедентов в практике Верховного Совета становится все больше.

С. Ш.

ИЗ ПАРТИИ

Самуил Пескин

В Нью-Йорке скончался на 67 году жизни доктор Самуил Пескин, один из пионеров еврейского социалистического движения в России. Он родился в 1873 году в Вильне и, под влиянием своего старшего брата, Израиля Пескина, очень рано примкнул к революционному движению и стал участником той героической группы еврейских социалистов, которая 50 лет тому назад впервые стала проповедывать социалистические идеи среди еврейских рабочих и организовывать их для борьбы, закладывая тем самым основы будущего «Бунда». В частности, Виленкой группе, в которой т. С. Пескин играл видную роль, принадлежит заслуга создания первых массовых рабочих организаций в России.

В 1891 году т. С. Пескин эмигрировал в Соединенные Штаты, где с первых же дней занял видное место в социалистическом движении Америки. Он был одним из учредителей знаменитой рабочей просветительной школы, сотрудничал в социалистической прессе, редактировал с 1905 по 1908 год журнал «Дух времени», писал брошюры. Его смерть является большой утратой для движения. Особенно болезненно будет воспринята она старым поколением русских социалистов и бундовцев, которыми имя т. Самуила Пескина было всегда очень дорого.

СБОР В ФОНД «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА».

Чрезвычайный взнос с 21 мая по 10 июня ..	400 фр.
Экстренный сбор ..	860 фр.
Всего ..	1.260 фр.

Всего собрано по 10 июня 17.870 фр.

Сбор продолжается.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

A.P.-Prieur, L'organisation syndicale au pays basque. Conseil Analytique. Bulletin économique. Paraît trois fois par mois. Rédacteur: A. Maslov. N° 1-2.
Nouveaux Cahiers, N° 46.
La Revue Socialiste, N° 4.
Der Sozialistische Kampf, N° 11.
La Vérité, N° 4.
La Révolution Proletarienne, N° 295, 296.
Neue Front, Heft 6.
Bulletin of the International Institute for Social History. Amsterdam. N° 1.
 Новая Россия, № 68.
 Пробуждение, № 92-93.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

19-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) *L'Almanach populaire pour 1939* или
- 2) *Otto Bauer. — Die illegale Partei* или
- 3) *L. Blum. — L'exercice du pouvoir.*

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно